

1970

ЗАСТОЙ КАК БЛАГО

В 1970 году в Советском Союзе отмечалась знаменательная дата — 100-летие со дня рождения В.И. Ленина. Власть придавала этому событию поистине эпохальное значение, поскольку собиралась посредством его показать всему миру, каких успехов в разных областях жизни достигло первое в мире государство рабочих и крестьян. Успехи эти и в самом деле были значительными. Ведь с того момента, как закончилась Великая Отечественная война, которая унесла жизни около 30 миллионов советских людей и разрушила более половины промышленности страны, прошло всего 25 лет (мизер по большому счету). Но этого времени вполне хватило, чтобы восполнить практически весь урон, который нанесла война.

Промышленность была восстановлена заново, и даже объем производства вырос вдвое, людской ресурс восполнен (советские женщины рожали почти по миллиону детей в год). Страна жила полноценной жизнью: не голодала, ни с кем не воевала, а только строилась и развивалась. Достаточно сказать, что к **1970 году** ежегодное потребление продуктов питания на душу населения в СССР составляло: по мясу — 48 кг, по рыбе — 15,4 кг, по овощам и бахчевым — 82 кг, по фруктам и ягодам — 35 кг, по яйцам — 35 кг, по растительному маслу — 6,8 кг, по сахару — 38,8 кг.

Значительные изменения происходили и в других областях, например в сфере быта. Так, всего лишь десять лет назад из 100 советских семей только 8 имели телевизоры, 4 — холодильники, 4 — стиральные машины. К юбилею вождя мирового пролетариата эти показатели увеличились многократно: теперь телевизоры стояли в 35 советских семьях из 100, холодильники — в 20, а стиральные ма-

шины — в 15 (еще через десять лет, к 110-й годовщине со дня рождения Ленина, эти показатели увеличатся еще больше: телевизоры будут уже в 91 семье из 100, холодильники — в 89, стиральные машины — в 70). Все эти показатели ясно указывали на эффективность советской промышленности и доступность ее продукции — цены на перечисленные товары были вполне божескими, то есть доступными. Вот как это выглядело на практике.

Средняя зарплата по стране в том году равнялась 110 рублям. Если брать нормальную семью из трех человек, где двое взрослых работали, то их зарплата равнялась примерно 220 рублям. А теперь посмотрим на тогдашние цены. Начнем с продуктов. Батон белого хлеба стоил от 13 до 16 копеек (черный стоил дешевле), килограмм колбасы «Докторская» — 2 рубля 20 копеек, большая плитка шоколада — 1 рубль 20 копеек, плавленный сырок «Дружба» — 14 копеек, килька в томате — 50 копеек, килограмм конфет «Трюфели» — 7 рублей 50 копеек.

Цены на промышленные товары выглядели следующим образом. Самый дешевый телевизор стоил 354 рубля (новинка 1970 года телевизор «Рекорд-102» с 40-сантиметровым по диагонали экраном оценивался в 550 рублей), электробритва «Харьков» — 22 рубля, радиоприемник «Альпинист» — 27 рублей 94 копейки, велосипед «Школьник» — 29 рублей 80 копеек, часы женские «Заря» — 32 рубля, часы мужские «Полет» — 46 рублей, туристическая палатка — 37 рублей 50 копеек, велосипед «Орленок» — 45 рублей 70 копеек, женский велосипед — 55 рублей, фотоаппарат «ФЭД-3-Л» — 47 рублей, плащ женский из материала «болонья» — 50 рублей, мужской — 55 рублей, радиола «Рекорд-68-2» — 72 рубля, ковер — 84 рубля, стиральная машина — 85 рублей, радиоприемник «ВЭФ-12» — 93 рубля, магнитола «Фиалка-2» — 158 рублей, магнитофон «Комета-206» — 180 рублей, магнитофон «Орбита-2» — 210 рублей, кинокамера «Кварц-5» — 265 рублей, автомобили: «Запорожец» — 3500 рублей, «Москвич-412» — 4936 рублей.

Еще одним важным достижением СССР была его преступность, вернее, ее уровень. Несмотря на то что «искоренить ее на корню», как мечталось, не только большевикам в начале 20-х, но и Хрущеву в

конце 50-х так и не удалось, однако обуздать очень даже получилось. В то время как те же США еще в конце 50-х стали «миллионерами» — то есть число зарегистрированных преступлений там достигло миллиона, в СССР счет шел на сотни тысяч. Например, в **1958 году** у нас было зарегистрировано 880 322 преступления, а уже в следующем году, когда партия объявила беспощадную войну преступникам, преступность снизилась до 614 552 случаев. И эти показатели держались два года. С **1961 года** начался рост преступности, однако «миллионерами» мы стали только в юбилейном **1970 году** — тогда было зарегистрировано 1 046 336 преступлений.

Однако, даже несмотря на это, в сравнении с западной преступностью советская продолжала выглядеть на уровне младенца с игрушечным пистолетиком в руках. В СССР практически не было ни организованных преступных банд, деливших города на зоны влияния, ни наркокартелей, ни разветвленных сетей публичных домов, ни сутенеров, ни киллеров, ни многочисленных серийных убийц, ни террористов — короче, того, что мы с лихвой имеем сегодня в капиталистической России.

Несмотря на то что СССР считался мировой сверхдержавой с населением почти 270 миллионов человек (на начало 70-х), преступность в нем долгие годы сохранялась такая, что это позволяло причислять страну победившего социализма к числу самых безопасных стран мира. Поэтому если в других областях деятельности мы шагали впереди планеты всей (в космонавтике, спорте, искусстве и т.д.), то в темпах преступности значительно отставали от развитых стран. Но это было благое отставание, которое мы, советские люди, увы, не ценили. Это был тот счастливый застой без кавычек, который позволял нам безбоязненно ходить вечерами по улицам и оставлять двери своих квартир (кстати, деревянных, а не металлических, как сегодня) открытыми (при этом домофонов в подъездах тогда не было).

Конечно, преступность в СССР была, и с каждым годом по мере повышения благосостояния в стране тоже росла. Однако этот рост в сравнении с ростом преступности на «цивилизованном» Западе напоминал собой черепашую ходьбу. Ведь господа капиталисты еще в 60-х столкнулись с такой рекордной преступностью, которая не снилась им даже в кошмарном сне. Запад буквально захлебывался в крови, терзаемый серийными убийцами, террористами и гангстера-

ми, в то время как граждане СССР страдали в основном от карточных шулеров да торговых махинаторов. А если и появлялся у нас какой-нибудь маньяк вроде «Мосгаза», так это было только раз (!) в пятилетие, причем ловили таких преступников всем миром и в течение двух-трех месяцев (чуть позже ситуация начнет меняться в худшую сторону, но об этом речь еще впереди). На Западе все было иначе.

Взять, к примеру, США, где с конца 60-х преступность стала побивать все мыслимые и немыслимые рекорды. В **1968 году** только от огнестрельного оружия там погибло более 1000 человек, а всего в тот год в Америке было совершено 4,5 миллиона преступлений. В Советском Союзе цифры были значительно ниже: в том году у нас было зарегистрировано 941 078 преступлений, а счет погибших от огнестрельного оружия шел не на тысячи, а всего лишь на десятки (!) человек (огнестрельное оружие у нас находилось под строгим контролем государства).

В **1969 году** в США было совершено 15 950 убийств, краж на сумму 62 миллиона долларов, 871 000 похищений автомашин. Число разбойных нападений возросло на 13% по сравнению с предыдущим годом и на 160% по сравнению с **1960 годом**. Еще в **1965 году** комиссия по расследованию при ФБР в своем отчете так комментировала угрожающую ситуацию с преступностью в стране: «Анализируя данные по преступности, видишь ее чудовищные размеры и ее влияние на все сферы американской жизни... В городах США есть районы, где половина жителей из-за боязни быть ограбленными не отваживаются покидать свои дома по вечерам, треть жителей избегает вступать в разговоры с незнакомыми людьми, пятая часть так деморализована, что мечтает переменить место жительства. Все больше граждан в целях самозащиты обзаводится огнестрельным оружием. сторожевые псы вошли в моду, как во времена феодалов...»

В заключении этого документа констатировалось следующее: «К сожалению, надо признать, что статистика говорит о неуклонном росте преступлений; к тому же статистика эта далеко не полная. Резко возросло число тяжких преступлений, о которых жертвы не сообщают в полицию. Статистика не учитывает также преступлений, связанных с обманом покупателей и бизнесменов, которые не подозревают, что их одурачили. Присвоение чужого имущества, искусственное взвинчивание цен, укрывательство имущества от обложения

налогом, активная и пассивная взятка — все эти правонарушения могли бы значительно увеличить число уголовных преступлений».

А вот как в конце 60-х обстояли дела с преступностью в другой капиталистической стране — ФРГ. Сошлюсь на мнение журнала «Шпигель», который в **ноябре 1967 года** писал следующее: «Пятнадцатитысячную армию служащих уголовной полиции Западной Германии буквально захлестнули волны преступности: в последнее десятилетие число уголовных преступлений в Федеративной Республике Германия растет втрое быстрее, чем численность населения. В **1966 году** число уголовно наказуемых преступлений составило почти два миллиона... рекордная цифра за всю историю страны! В течение суток в ФРГ в среднем совершается или делается попытка пяти умышленных и непредумышленных убийств, 17 изнасилований, похищений 170 автомашин, каждый час 130 краж и взломов».

ПЬЯНЬ БЕСПРОБУДНАЯ

Между тем в почти 260-миллионной советской стране, в которую входило 15 союзных республик, имелись серьезные проблемы, причем не менее существенные, чем ее достижения. И одним из главных бичей советского строя было пьянство. Причем его показатели выглядели неравномерно: например, в центре страны люди употребляли алкоголь больше, чем, скажем, на окраинах — в Узбекистане или Армении (в Ереване не было ни одного вырезвителя). Водка же везде стоила одинаково — 3 рубля 62 копейки за бутылку 0,5 л.

Власть, конечно, боролась с пьянством посредством разного рода запретительных и пропагандистских мер. Например, почти каждое пятилетие в свет выходили постановления ЦК КПСС, где объявлялась очередная борьба с «зеленым змием», и в жизнь вводились разного рода драконовские законы, начиная от увеличения размера штрафа за пьянство и заканчивая общественным порицанием пьяниц, которых прорабатывали на собраниях, лишали денежных премий, вывешивали их портреты на специальные стенды, которые размещались на улицах городов (вспомним хотя бы популярный фильм «Афоня» **1975 года**).

Кроме запретительных мер, действовали и профилактические,

например каждый год в стране открывалось несколько наркологических клиник и профилакториев. Однако все эти меры так и не смогли кардинально решить проблему. Получалось, что чем лучше становилось жить в СССР, тем сильнее люди употребляли алкоголь. А это, в свою очередь, влияло и на состояние преступности в стране: почти половина преступлений в Советском Союзе относились к разряду «бытовухи» (преступления на бытовой почве) и совершались не без влияния алкоголя, то есть «по пьяни». Причем средства массовой информации этого факта совершенно не скрывали, чего упорно не хотят замечать критики советского строя, утверждая, что цензура душила любую негативную информацию. Ничего подобного: пресса как раз часто поднимала эту проблему, пытаясь тем самым взрастить людей и наставить их на правильный путь.

Например, в самом начале того юбилейного **1970 года** в большинстве советских газет было опубликовано несколько материалов на тему пьянства и его пагубного влияния на людей. Были среди них и материалы о криминальных инцидентах «по пьяни». Вот лишь один из подобных случаев, описанных в одной из самых массовых и читабельных газет страны «Комсомольская правда». Речь там шла о случае, который произошел в городе Ленинск-Кузнецком, где две пьяные женщины жестоко избили 10-летнюю девочку. Дело было так.

Две закадычные подруги (одной стукнуло 26 лет, другой — 31) по случаю свалившегося на их головы воскресенья (**15 февраля**) отметили это дело хорошей выпивкой. Затем, посидев дома, пошли проветриться. Погода в тот день стояла хорошая — несмотря на конец зимы, на улице было не слякотно и не шибко холодно. По этому случаю во многих дворах города детвора устроила массовые катания с ледяных гор. И вот мимо одной из таких детских компаний угораздило пройти пьяным подругам.

Шли они себе, шатаясь и громко распевая какую-то застольную песню, как вдруг услышали чей-то громкий разговор. Одна из девочек, катавшихся с горки, — это была Надя, которой, по злой иронии судьбы, в тот день исполнилось 10 лет, — сказала своей двоюродной сестренке Тане: «Смотри, какие песни пьяные тетеньки поют». Вроде бы невинная фраза, да еще в устах ребенка. Так нет — кому-то из подруг она страшно не понравилась. «А вы что, нас поили?» — повернулась она к девочкам. Тем бы в ответ развернуться да и убежать

от греха подальше, но они этого не сделали, что тоже объяснимо: во-первых, у себя во дворе находятся, во-вторых, видимо, посчитали, что женщины, пускай и пьяные, на какую-нибудь подлость не способны. Ошиблись.

Едва Надя попыталась что-то ответить, женщины как будто с цепи сорвались. Бросились на девчонок с явным намерением их поколотить. Сестренки — врассыпную. Тане повезло, и она успела заскокочить в подъезд дома, где жила, а вот Наде — нет: ее преследовательница вскоре догнала и, повалив навзничь, стала бить головой о землю. Причем была так, как будто 10-летняя девочка была ее самым лютым и кровным врагом. Вскоре к ней присоединилась и вторая женщина. И кто знает, к каким последствиям привело бы это избивание, если бы на улицу не выскочил отец Нади, которого вызвала из дому успевшая убежать от погони Таня. Он раскидал женщин в разные стороны и склонился над дочерью. Та была без сознания. Вызвали «Скорую», врач которой констатировал у девочки сотрясение мозга и немедленно отправил в больницу.

Побои, которые женщины нанесли девочке, были настолько серьезными, что той пришлось пробыть на больничной койке около месяца. Спрашивается: за что? Да, собственно, ни за что: просто двум пьяным женщинам захотелось покуражиться. Их потом судили, правда наказание назначили минимальное: одной дали 1,5 года исправительных работ, другой — год, в полном соответствии с расхожим мнением о том, что советский суд — самый гуманный суд в мире.

КРОВЬ БУРЖУАЗНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Гуманизм советского строя проявлялся не только в подобных случаях. Пришедший к власти в **1964 году** Леонид Брежнев поставил целью создать в обществе ситуацию стабильности, поскольку после шараханий и метаний его предшественника волонтариста Никиты Хрущева люди именно этого и хотели. Другое дело, что в своем понимании стабильности Брежнев и его команда в итоге зайдут слишком далеко — настолько станут гуманными, что перестанут «ловить мух», занимаясь откровенным всепрощенчеством. Вместо того чтобы последовательно вести борьбу с преступностью, власти в итоге

скатятся к элементарной кампанейщине — то есть регулярную борьбу сведут к кампаниям, которые будут подгадываться к разного рода праздникам и памятным датам. Именно такая кампания, к примеру, была проведена органами КГБ и МВД в Москве в **январе 1970 года** против столичных валютчиков.

Стоит отметить, что в последний раз преступников, занимавшихся валютными махинациями, столичные органы правопорядка основательно трясли... девять лет назад, то есть еще при прежнем руководстве. То дело получилось громким, по-настоящему резонансным (о нем писали чуть ли не все советские газеты, даже был снят документальный фильм). Его назвали «делом Рокотова» — по фамилии главного фигуранта Яна Рокотова, которого приговорили к смертной казни. После этого власть устами прессы торжественно провозгласила, что с валютчиками в столице покончено раз и навсегда. На самом деле тем хватило всего лишь нескольких лет, чтобы не только восстановить свои поредевшие ряды, но и выпестовать новых рокотовых. В итоге к концу 60-х в той же Москве насчитывалось несколько сот валютных «жуков», которые денно и нощно «ковали железо», что называется, не отходя от кассы. Самое интересное, что КГБ и МВД прекрасно знали по именам и кличкам всех столичных валютчиков, однако ворошить их осиное гнездо не спешили. Почему?

Во-первых, не было приказа свыше (Рокотова и К^о тоже арестовали только после вмешательства Хрущева); во-вторых, многие валютчики работали на «контору», поскольку имели тесные связи с иностранцами. Вот почему практически в сердце столицы воротили валютного фронта чувствовали себя, как у Христа за пазухой. Их роскошной жизни мог позавидовать любой западный нувориш, не говоря уже о простом советском человеке. В 9 утра они завтракали в ресторане «Арбат», после чего ближе к полудню перемещались в ресторан гостиницы «Националь». Там у них происходили деловые встречи с иностранными клиентами, намечались планы на текущую неделю. Заканчивался трудовой день работников валютного фронта в ресторанах «Останкино» или «Сатурн», где играл очень модный в их среде оркестр под управлением Леонида Геллера. Так продолжалось на протяжении нескольких лет. То есть в столице СССР жировала и нагуливала бока каста захребетников, которая спустя полтора десятилетия займет лидирующее положение в обществе.

Однако в **январе 70-го** в Кремле начались подвиги, вызванные а) приближением ленинского юбилея и б) оголтелой антисоветской кампанией, которая началась в Израиле (ее инициатором была премьер-министр этой страны Голда Меир, которая чутко уловила тенденции, нарастающие в мире после того, как СССР прикрыл «бархатную революцию» в Чехословакии, которая субсидировалась мировым сионизмом). Спросите, при чем здесь советские валютчики? Дело в том, что многие крупные фигуры в этом бизнесе были евреями (Рокотов, кстати, тоже относился к их числу). Поэтому власти и решили нанести удар по этому весьма прибыльному бизнесу.

Операция началась вечером **4 января 1970 года**. В тот день сразу несколько групп сотрудников КГБ провели аресты в центре города. Сначала был «повязан» таксист Генрих К., который со своей девушкой прогуливался возле Большого театра. У него было изъято: золотые кольца, браслеты, монеты, пухлые «котлеты» ассигнаций. Почти одновременно с этим арестом прошел еще один — возле гостиницы «Москва» прямо на рабочем месте — в такси — были задержаны еще один таксист, некто Олег Ж., и его подельник по «валютке» студент из Танзании Джума К. До этого чекисты в течение нескольких часов сидели у них на «хвосте» и фиксировали все их незаконные операции, которых оказалось более чем достаточно для того, чтобы предъявить обоим серьезные обвинения.

Валютчики были настолько уверены в своей безнаказанности (еще бы: столько лет занимались преступным промыслом), что, практически не таясь, проворачивали свои темные делишки на глазах у чекистов и простых советских граждан. Их деятельность в тот день была весьма насыщена: они пару раз смотались к ресторану «Урал», где приобрели несколько десятков золотых монет, затем потусовались возле кинотеатра «Ударник» (еще одна тогдашняя валютная точка столицы), затем переместились на Зубовскую площадь. Когда все их незаконные действия были аккуратно зафиксированы на пленку, поступила команда на арест.

Всего в тот день, **4 января**, было арестовано 7 человек: Генрих К., Арон А. и его супруга, Олег Ж., Галина К., ее любовник гражданин Танзании Джума К. и гражданин Индонезии Сумали Б. Практически с первых же дней ареста все семеро признали свою вину и стали давать подробные показания о своей незаконной деятельности, кото-

рая продолжалась на протяжении четырех лет. Позднее некоторые подробности этих показаний были озвучены в советской прессе, в частности в «Комсомольской правде». Например, рассказывалось о том, какие «бабки» зарабатывали валютчики на своих махинациях. Вот лишь один пример. В **1969 году** Джума К. купил Олегу Ж. два 100-граммовых золотых слитка, которые таксист загнал скупщикам за 2600 рублей. Джума на вырученную валюту купил аж 48 шуб, которые Олег тут же продал за 14 тысяч рублей (напомню, что автомобиль «Москвич-412» стоил тогда 4936 рублей).

Не менее широко жил и Генрих К., у которого во время обыска было обнаружено 123 (!) тысячи рублей. Однажды он заработал сразу 3 тысячи рублей и отправился в гостиницу «Россия», где вот уже несколько дней жил его приятель из Баку. Друзья сначала выпили за встречу, после чего сели перекинуться в карты, причем играли не на интерес, а на деньги. Генриху в тот день явно не везло, поскольку за несколько часов упорной игры он продул приятелю 4800 рублей. Три «штуки» он отдал тут же, не отходя от игрового стола, а остальные привез час спустя, съездив за ними домой на служебном такси.

Между тем в сети КГБ в те январские дни попало еще несколько валютчиков. Перечислять имена всех арестованных не буду, а назову лишь одно, наверняка хорошо известное читателю, — Юрий Айзеншпис. Да-да, известный позже шоу-продюсер был впервые арестован именно в ходе той «валютной» операции КГБ в 70-м году. Но прежде чем рассказать об этом аресте, стоит хотя бы вкратце упомянуть о том, чем конкретно занимался Айзеншпис в те годы.

Примерно с середины 60-х годов Юрий втянулся в продюсерскую деятельность в среде первых отечественных рок-музыкантов и стал устраивать концерты в различных культурных заведениях. Поскольку в то время рок-групп в Москве было не слишком много, люди, которые имели с ними дело, работали сравнительно легко. Однако по мере роста числа самодеятельных рок-групп (а они в конце 60-х как грибы после дождя стали возникать чуть ли не во всех столичных институтах и школах) это движение стало неуправляемым. Все чаще подобного рода тусовки стали заканчиваться либо пьянкой, либо форменным мордобоем. Чтобы как-то упорядочить этот процесс и взять его под контроль, в Моссовете было проведено специальное совещание, где приняли решение: места под проведение концертов

могли снимать лишь официальные лица (например, руководство какого-нибудь института, завода и т.д.). Однако ушлые продюсеры рок-групп нашли выход и в этой ситуации: они доставали фирменные бланки различных учреждений, печати, а подписи ставили липовые. Короче, изворачивались, как могли.

Рассказывает Ю. Айзеншпис: «Так, «под официальную организацию» проводили вечера досуга молодежи. В этом мне помогали знакомые, которые где-то выкрадывали бланки. Но даже в этом случае, учитывая, что вечера иногда заканчивались тем или иным инцидентом, уже неохотно нас принимали. Поэтому надо было делать какие-то инъекции. Иногда деньги были выложены не потому, что этого хотел директор клуба, а потому, что у него по графику положен просмотр кинофильма, на который никто не шел. А ему, директору, нужен кассовый план. Чтобы снять показ, нужно выкупить минимальное количество билетов. Так начинались первые завязки с директорами дворцов или домов культуры. А потом уже за прямые взятки, потому что это стало принимать масштабы индустрии. Вечера стали делать очень часто, каждую неделю, каждую субботу и воскресенье.

Нами заинтересовались. Помню, в ресторане «Золотой колос» проводился вечер, присутствовали человек четыреста. Этот зал сняли под письмо «почтового ящика» (закрытое учреждение. — *Ф.Р.*). И когда разразился скандал (драка), приехала милиция...»

Еще в конце 60-х, в пору своего продюсерского бизнеса, Айзеншпис стал заниматься и валютными операциями. Это приносило гораздо бóльшие деньги, поэтому Юрий в итоге ушел из музыки и сосредоточился исключительно на «валютке». И за каких-нибудь пару лет стал одним из самых известных столичных валютчиков со всеми вытекающими отсюда прибабасами. Одежду он покупал исключительно в валютных магазинах «Березка», душился дорогим французским парфюмом, который в советских магазинах днем с огнем было не сыскать. Вечерами устраивал кутежи в самых пафосных советских ресторанах типа «Арагви», «Арбат», «Националь». Тогда же у него появилось личное такси, которое в любое время дня и ночи готово было везти его в любую точку Москвы. Одним словом, Айзеншпис был богат, успешен и абсолютно не сомневался в том, что ведет правильный образ жизни. Хотя для его родителей это, конечно, было

серьезное испытание. Они были правоверными коммунистами, прошли войну, и видеть то, что их сын пошел совсем не по их стопам, а превратился в валютного спекулянта, им было не просто обидно, а горько. Особенно сильно переживал отец, который даже на какое-то время прекратил с Юрием отношения. Однако изменить ход событий даже этот поступок так и не смог.

В 1969 году в Москве открылась контора Внешторгбанка СССР, где продавали золото в слитках. Почти каждый день для Юрия покупалось золото в этой конторе, а также валюта. Этим делом он занимался постоянно, денно и нощно. Фарцовщики скупали ему валюту по всему городу, а до десятка таксистов привозили Юрию свою валютную выручку. Естественно, Айзеншпис прекрасно был осведомлен о том, что вся его деятельность находится на заметке у правоохранительных органов, но был уверен, что его горькая участь минует. То ли был молод и наивен, то ли уверовал, что советская власть уже вконец смирилась с подобным положением дел. Но он ошибся. В православное Рождество **7 января 1970 года** Юрия арестовали. Выглядело это следующим образом.

В тот день Юрий встретил своего приятеля Гиви (впоследствии этот человек устроился на работу в милицию (!), что наверняка не обошлось без взятки), и тот предложил ему купить три тысячи сертификатов серии «Д» по шесть рублей за штуку. А у Айзеншписа с собой было 15 тысяч рублей, и до нужной суммы не хватало трех тысяч. Юрий предложил поехать к нему домой за недостающими деньгами. Поехали. Возле подъезда Юрий сразу обратил внимание на нескольких мужчин, одетых в одинаковые ондатровые шапки. Он сразу просек: ОБХСС или еще что-то такое. Ему бы после этого свернуть с приятелем куда-нибудь в сторону, ан нет — упрямо пошел в ловушку. Видимо, «серты» жгли ляжку.

На втором этаже, возле дверей в собственную квартиру, Юрий заметил еще двух незнакомых мужчин «в ондатре». Только после этого ситуация, в которой он оказался, стала ему понятна, и он попытался схитрить — стал подниматься по лестнице выше. Но тут сзади раздался недоуменный вопрос одного из незнакомцев: «Молодой человек, вы куда?» — «Как куда, — попытался прикинуться простачком Юрий, — домой». И в это мгновение из-за двери его квартиры раздался голос 12-летней сестры: «Юра, помоги мне, кто-то звонит»

дверь, стучит. Я боюсь». После этого косить под дурачка было бессмысленно, и Айзеншпис спустился на площадку. Сестра тут же открыла дверь, после чего товарищи «в ондатре» втолкнули их с Гиви в квартиру и закрыли за собой дверь. Далее послушаем самого Ю. Айзеншписа: «Тут уже сразу грубость пошла. Нас обыскали и зачитали санкцию на проведение обыска и арест. Нужны были понятые. В нашем доме не оказалось лиц, желающих стать понятыми. Минут через двадцать привели каких-то людей, начался обыск. Как оказалось, у Гиви «сертов» с собой не было — они были у человека, который проживал в гостинице «Москва». Мы должны были привезти деньги. И Гиви должен был там получить свои комиссионные. А у меня в кармане было 15 тысяч 585 рублей, как сейчас помню: 15 тысяч сто-рублевыми купюрами, потом какие-то мелкие. Короче, вытащили эти 15 тысяч. Естественно, они думали, что будет гораздо больше, и все тщательно пересыпали: все эти продукты, крупы...

Когда они начали допрашивать, первым делом поставили на стол портфель. Это был мой портфель. И в нем была валюта — 6750 долларов. Сейчас это — большие деньги, тогда — нет, потому что цена 1 доллара была гораздо меньше.

Этот портфель я отдал накануне своему приятелю Алексею, который хранил весь криминальный товар: валюту, золото, слитки. Выполнял работу курьера и в то же время предоставлял свою квартиру для хранения, поскольку он жил один со своей сестрой. (Родители у него ученые, они друг с другом не жили. Отец жил все время с любовницей, а мать с любовником. И они бросили своих детей на произвол судьбы.)

Как потом выяснилось, на основе каких-то оперативных данных КГБ стало известно, что я занимаюсь валютными операциями, имею его квартиру. Алексея, моего подельника, проводили в милицию. А в это время его малолетняя сестра (ей было лет 12—13) осталась одна, и ее стали допрашивать, что вообще запрещено законом. Ну и сестра (то ли в ней пионерская честность, то ли еще что-то) заговорила. Или она хотела сделать плохо своему брату? Открыла ящик и говорит: «Вот здесь слитки лежат, а еще монеты лежали». (Там лежали 11 монет царской чеканки 1912 года достоинством десять рублей). Лежали шубы норковые. И всякая всячина.

Показала им коробки с мохеровой шерстью. И портфель. «Там наверняка слитки золотые», — говорит. Но в портфеле золота не было. Потому что оно было продано накануне. Там была валюта. Естественно, они все это изъяли. Ну и, короче говоря, меня вечером арестовывают. Потом везут на Петровку.

Приходит следователь, представляется: майор КГБ. Его стиль допроса был другой, чем у работников милиции. Те отличаются грубостью, напористостью, а этот сразу: «Больше расскажешь — меньше получишь». Я — в отказ. Ничего не понимаю. Меня отправили в Бутырку, в 252-ю четырехместную камеру...»

Айзеншпису выдвинули обвинение сразу по двум статьям: 88-й (нарушение валютных операций) и 154-й (спекуляция в особо крупных размерах). Потом был суд, который приговорил Айзеншписа к 7 годам тюремного заключения. Забегая вперед, сообщу, что первые несколько лет своего срока Юрий отбывал в колонии в Красноярске. Но затем его маме (она была известным врачом) удалось использовать свои связи, и Юрия перевели поближе к Москве — в Тулу. Там была очень хорошая зона: благоустроенная, с горячей водой.

Когда в **1977 году** Юрий освободился, его заставили прописаться не в родной Москве, а в Александрове. И в столицу он приезжать права не имел. Но однажды Юрий это требование нарушил: отправился на свидание к своей любимой девушке. Но едва достиг пределов Москвы, как его тут же арестовали и снова отдали под суд. Тот не стал церемониться с неисправимым Айзеншписом и приговорил его к новому сроку — к 10 годам заключения. В своем последнем слове Юрий нашел место для иронии, он сказал: «Я — советский человек, учился в советской школе и институте. Но в моих жилах течет кровь буржуазных предпринимателей».

Эта кровь в итоге все-таки окажется востребованной, но произойдет это чуть позже, в конце 80-х, когда в Советском Союзе начнется перестройка с ее рыночными отношениями. Кто в итоге пришел к власти, сегодня уже хорошо известно. Но истоки всего этого были там, в начале 70-х.

Судя по всему, эта же кровь «буржуазных предпринимателей» текла и в жилах другого человека, арест которого тоже пришелся на самое начало **1970 года**. Судьба его — это типичный пример того, как неправильное воспитание создает из человека монстра. Причем

воспитание это не имело никакого отношения к советскому, а целиком зиждилось на канонах буржуазного общества, того самого, в котором мы с вами имеем счастье жить сейчас.

Эта история началась **19 февраля** под Ленинградом, когда на одной из дач, принадлежащей молодому человеку по имени Артур Сабонис (имя и фамилия изменены), следователями городской прокуратуры был проведен обыск. Вызван он был следующими причинами. У владельца дачи почти год назад при загадочных обстоятельствах погибли родители (они застрелились из охотничьего ружья) и пропала 11-летняя сестра Оля. Поскольку пропавшую так и не нашли, а гибель родителей списали на самоубийство, никаких претензий к Артуру у правоохранительных органов поначалу не возникло. Но в начале **1970 года** внезапно вскрылись новые обстоятельства, которые и вынудили следствие заинтересоваться личностью Артура.

Повод к сомнениям дала молодая жена Сабониса, которая поведала сыщикам, что после смерти родителей ее муж весьма странно себя ведет: на людях разыгрывает печаль по поводу постигшей его утраты, а дома откровенно издевается над памятью покойных. По словам женщины, ни одного доброго слова об отце и матери она от него не слышала. Более того, она поведала потрясенным следователям, что в день похорон сын снял с лежавшего в гробу отца новый костюм и заменил его на старый. А новый на следующий день отнес в комиссионку.

Дальше — больше. Сняв со сберкнижек родителей большие суммы денег, Артур постоянно говорил, что у отца с матерью должны быть припрятаны еще наличные суммы. Он чуть ли не весь дом перевернул вверх дном в поисках этих денег, но так ничего и не обнаружил. И это стало очередным поводом к тому, чтобы костерить покойных. А однажды Артур напугал жену, что называется, до смерти. Перебрав со спиртным, он поведал супруге о том, что в смерти его сестренки виноват отец: дескать, это он задушил девочку, а тело закопал на даче в погребе. Когда на следующий день жена попыталась выяснить уже у трезвого супруга подробности этого жуткого рассказа, тот заявил... что ему это все приснилось.

Но чашу терпения молодой супруги переполнил другой случай. Однажды Артур подпоил жену и стал предлагать ей... отравиться, оставив перед этим предсмертную записку. Он положил в бокал с шам-

панским большую дозу люминала и заставил супругу испить дьявольское зелье. Но та, несмотря на свое полувменяемое состояние, все-таки сумела исхитриться: сделала всего лишь один глоток, а когда муж помчался вызывать «Скорую», выплюнула отраву в форточку.

Этот случай всерьез напугал женщину, и она решила заявить на мужа в милицию. Стоит отметить, что до этого — в конце **декабря 69-го** — она уже обращалась туда же с просьбой проверить своего суженого на предмет возможной причастности к убийству его родственников, и сыщики вняли ее словам: в очередной раз обыскали дачу Артура. Но никаких компрометирующих улик не обнаружили. Мало шансов было найти что-либо там и в этот раз. Однако в прокуратуре нашлись люди, которые не поленились отправить на дачу новую проверку.

На этот раз сыщики подошли к делу куда более тщательно, чем в первом случае. Они перекопали чуть ли не весь погреб и почти на двухметровой глубине все-таки нашли то, что искали, — труп пропавшей девочки. Причем рядом с ним лежали мужские шорты, которые, по показаниям свидетелей, принадлежали не кому иному, как брату покойной Артуру. А в сарае сыщиков ждала еще одна неожиданная находка: личный дневник Артура, в который он выписывал всякие крылатые афоризмы из умных книжек. Сыщики обратили внимание, что среди сотни крылатых выражений не было ни одного доброго, светлого. А были, например, такие: **«Деньги — это то, что есть у других и что нужно добыть мне»**. Или: **«Отсутствие денег у людей — порок. Человек без денег — просто не человек»**, **«Дети начинают с любви к родителям, а потом судят их»**, **«Мораль — это выдумка человека, а не вывод из его опыта»** и т.д.

Днем **20 февраля 1970 года** Сабониса арестовали, а расследование этого дела поручили столичной Главной военной прокуратуре. Оно попало в руки опытного следователя по особо важным делам Сергея Громова. В тот же день Громов выехал в Ленинград, а сутки спустя провел первый допрос арестованного, на котором тот, естественно, свою вину в гибели родственников отрицал. Но опытный следователь чуть ли не каждый день предъявлял ему все более неоспоримые улики его вины.

Например, Громов огласил ему повторные результаты судебно-медицинской экспертизы, из которых следовало, что отец и мать Ар-

тура не покончили с собой, застрелившись из охотничьего ружья, как было написано в первом акте экспертизы, а были убиты. «Вами, Сабонис, — вынес свой вердикт Громов. — На ваших трусах были найдены пятна крови вашего отца, которые попали на вас в момент выстрела. Вы пытались их застирать, но сделали это неумело. Далее. Вы пытались получить в сберкассе деньги, положенные на имя вашей сестры, хотя не имели на них никакого права. Кроме этого, вы начали переговоры по поводу продажи дачи, хотя сестра тоже имеет право на наследство, как и вы. Выходит, вы знали, что сестра мертва?»

Припертый к стене этими и другими уликами, Сабонис в один из дней не выдержал и попытался покончить жизнь самоубийством в одиночной камере тюрьмы. Но охранникам удалось вовремя вытащить его из петли, сделанной из тюфячного чехла, и вызвать врача. После этого случая нервы Сабониса сдали окончательно, и он начал давать признательные показания. Он заявил, что сестру убил после того, как узнал о том, что его после окончания медицинского института ждет распределение в провинцию, чего он сильно не хотел. А пропая сестры, по его плану, должна была вызвать к нему снисхождение. Так оно и вышло. Что касается родителей, то их Сабонис убил из чисто меркантильных интересов — хотел завладеть их деньгами и имуществом.

Стоит отметить, что внешне Артур Сабонис производил впечатление вполне добропорядочного молодого человека. То есть знаменитый криминалист Ломброзо с его известной теорией преступных типов в его случае оказался не прав. Однако под привлекательной внешностью скрывался настоящий нелюдь. Истоки этого перерождения тот же Громов нашел в детстве Сабониса. Оказывается, еще в школьные годы родители парня ввели специальную поощрительную методу: получил хорошую отметку — на тебе рубль на мороженое! Та же метода действовала и в отношении домашних обязанностей мальчика: сходил за хлебом — оставшуюся мелочь берешь себе, убрался в квартире — заработал рубль и т.д. Когда сыну исполнилось 10 лет, родители преподнесли ему в подарок пузатую копилку с дарственной надписью: «Дорогому сыночку на счастье». При этом отец Артура лично опустил в нее червонец. Но купить счастье еще никому не удавалось. В итоге на все свои поступки Артур стал смотреть ис-

ключительно сквозь призму товарно-денежных отношений. В результате такого воспитания вполне обычный ребенок превратился в монстра. Советский суд воздаст должное душегубу — приговорит его к расстрелу, на который в те годы никакого моратория не существовало.

ЖАДНОСТЬ ПОДВЕЛА

22 марта в «Комсомольской правде», в рубрике «Из зала суда» (аналог современной «Криминальной хроники»), была опубликована любопытная заметка В. Мясникова из Ярославля под выразительным названием «Жадность подвела». В ней рассказывалось о том, как жители деревни Скоморохово Переяславского района Шагин и Нехаенко, работая в поле, случайно наткнулись на клад, в котором находилось 120 золотых монет, золотые кольца, броши и кулоны. Свою находку они решили не сдавать властям и поделили пополам. Однако через несколько дней у одного из кладоискателей сдали нервы. Он отдал свою долю напарнику и попросил сдать их в банк. Тот выполнил просьбу приятеля, но не буквально — отнес в банк только половину врученного.

Тем временем супруга Нехаенко, которой золото, видимо, жгло руки, предложила его распродать. За каждую монету они брали по 40—50 рублей, а иногда и дороже. В итоге за короткое время дельцы заработали на этом деле 2000 рублей. Однако воспользоваться ими так и не успели. Кто-то на них донес. Итог этой истории был таков: народный суд за присвоение найденного золота и спекуляцию приговорил электрика Нехаенко к 3 годам лишения свободы, его супругу к условному наказанию. С них было взыскано 2306 рублей, полученных от незаконной операции с золотом.

МАНЬЯК ИЗ ЛУГАНСКА

Согласно официальной статистике, в **1970 году** в Советском Союзе было совершено 203 убийства с изнасилованием. Даже если брать в расчет, что цифра эта занижена, все равно можно смело констатировать, что подобных преступлений в те годы совершалось в сотни раз меньше, чем сегодня, во времена дикого капитализма, когда сек-

суальные маньяки стали такой же обыденностью, как киллеры и террористы. Причем нынешние маньяки куда кровожаднее и изощреннее, чем их советские предшественники. Объясняется сей факт просто: советская мораль всячески воспевала романтические отношения между мужчиной и женщиной и осуждала половую распущенность. Среди уголовно наказуемых преступлений значились порнография, проституция, педофилия и (о ужас!) гомосексуализм. А сегодня только в одной России официально зарегистрировано 104 эротических СМИ (данные на **январь 2006 года**), причем львиная доля из них под видом эротики предлагает порнографию. Кроме этого, большинство обычных печатных изданий считает обязательным публиковать на своих страницах постеры красивых девушек в negligé (чаще всего топлес), да и по ТВ эротика демонстрируется регулярно.

Господа демократы в начале реформ уверяли народ, что легализация эротики в России принесет только благо: дескать, даже преступления на сексуальной почве пойдут на убыль. Вышло все наоборот. Впрочем, иначе и быть не могло, поскольку история Запада говорила об обратном.

Еще на рубеже XIX века там шли жаркие споры о том, можно ли СМИ и писателям откровенно описывать сексуальные отношения мужчины и женщины. Известный западный исследователь К. Уилсон пишет следующее: «Филдинг, Смоллетт и Стерн писали о половых отношениях без всякого стеснения, так же как Рабле свободно писал о физиологических функциях наших органов. Для названных писателей это были всего-навсего естественные моменты человеческого существования. Таким же литераторам, как Золя, Стриндберг, Г.Дж. Уэллс и Д.Г. Лоуренс, приходилось бороться за право описывать жизнь хотя бы с некоторой долей реализма. Все же необходимо отметить, что защитники «чистоты» в определенной степени были правы. Сексуальные сцены нельзя ставить вровень, скажем, с изложением кулинарных рецептов, хотя бы потому, что уже простое описание полового акта вызывает у некоторых людей сексуальное возбуждение. «Пуритане» считали, что если писателям разрешить описывать половые отношения без всяких ограничений, то общество вскоре станет «сексуально озабоченным», в результате чего возрастут безнравственность и уровень преступности. В этом они были со-

вершенно правы. Эпоха сексуальных преступлений началась одновременно со сражениями против цензуры...»

В лидеры по части сексуальных преступлений уже с начала XX века стала вырваться Америка. А в 20-х годах ее лидерство уже никто не оспаривал. Как пишет все тот же К. Уилсон, «в середине 20-х годов почти во всех развитых странах наблюдался ярко выраженный рост преступности на сексуальной почве, хотя в Америке эта тенденция была выражена более отчетливо, чем в Европе, где еще преобладали старые типы преступлений...».

Что касается СССР, то в 20-х годах, несмотря на то что там существовал НЭП (то есть плановая экономика соседствовала с капиталистической), преступления на сексуальной почве совершались гораздо реже, чем на Западе, поскольку Россия по большей части оставалась патриархальной страной. А в следующем десятилетии, когда Сталин окончательно взял власть в свои руки и создал централизованное государство, число уголовных преступлений (в том числе и на сексуальной почве) сократилось до минимума. Только одно то, что в СССР была искоренена профессиональная проституция, значительно сузило поле деятельности сексуальных извращенцев.

Однако после смерти вождя ситуация пусть медленно, но стала меняться в худшую сторону. Но даже тогда советская преступность (в том числе и на сексуальной почве) заметно отставала от западной. В конце 50-х в Америке началась так называемая «сексуальная революция», которая дала мощный толчок развитию подобного рода преступлений. Начитавшись «Плейбоя» (этот журнал появился на свет в начале секс-революции), десятки молодых людей взялись за ножи и с еще большим рвением, чем их предшественники, начали охотиться на представительниц слабого пола. Как пишет видный американский специалист-криминолог Джоэль Норрис, автор книги «Серийные убийцы»: «С 1960 года в США не только выросло число отдельных серийных убийц, возросло и число жертв, приходящихся на одного насильника; кроме того, преступления стали более жестокими».

Секс-революция конца 50-х породила множество жестоких серийных маньяков Америки, в том числе и Теда Банди, про которого напишут не один десяток книг и снимут несколько художественных и документальных фильмов. Этот душегуб родился в **1946 году**, и дет-

ство его выпало на 50-е. Убивать людей он начнет в следующем десятилетии и в течение нескольких лет отправит на тот свет более 40 человек. На суде Банди честно признается, что сделало из него маньяка. Он расскажет, что еще в детстве его интересовали сцены сексуального насилия и что в убийцу на сексуальной почве его превратила порнография.

В СССР порнография была запрещена, что было одной из причин сдерживания роста преступлений на сексуальной почве. Вот почему советская криминальная история по этой части не столь богата, как американская. Первый «серийник» в Советском Союзе появился только в начале 60-х. Это был Владимир Ионесян, который выдавал себя за работника Мосгаза. Правда, это был не чисто сексуальный маньяк: побудительным мотивом его преступлений был грабеж, а не секс (он изнасиловал всего лишь одну жертву). Ионесяна быстро поймали благодаря слаженным действиям столичной милиции, да и всего общества. После этого в разных частях страны происходили аналогичные случаи, причем опять это были комбинированные маньяки — то есть грабежи они совмещали с сексом. А вот серийных маньяков-насильников среди них почти не было вплоть до конца 60-х. На Западе все было иначе: там в те же годы творили зло десятки самых разнообразных массовых маньяков: и «снайперы» (они находили удовольствие в людных местах расстреливать свои жертвы из огнестрельного оружия), и «мясники» (эти обычно резали людей), и серийные насильники и т.д. Перечисление их всех займет много времени, поэтому ограничусь лишь несколькими примерами.

Волна насилия стала накрывать Америку с лета **1966 года**. Только с **июля по ноябрь** были зарегистрированы сразу три массовых убийства, в результате которых погибли 33 человека. В Чикаго 25-летний «мясник» Ричард Спек проник в женское общежитие и зарезал восемь девушек; в Остине, штат Техас, «снайпер» Чарльз Уйатмен сначала хладнокровно убил свою мать и жену, после чего забрался на здание местного университета, в котором он учился (27 этажей), и расстрелял из снайперской винтовки еще несколько десятков человек (15 человек убиты, 33 ранены); в Месе, штат Аризона, 18-летний «снайпер» Роберт Смит, увидев по ТВ репортаж о «подвигах» Уйатмена, отправился повторять их — он ворвался в здание космо-

тического училища и расстрелял семерых человек (среди них были 28-летняя учительница, ее трехлетняя дочь и трехмесячный сын, а также четыре ученицы).

В **августе 1969 года** всю Америку потрясло новое массовое убийство. Хипповская банда «мясника» Чарльза Мэнсона напала на особняк 23-летней восходящей звезды Голливуда Шэрон Тэйт и зверски убила не только хозяйку, которая на тот момент была беременна, но и всех ее гостей в количестве четырех человек. Когда на следующее утро полиция вошла на территорию особняка, она была в ужасе от увиденного: повсюду валялись обезображенные тела убитых, а стены дома были забрызганы кровью и исписаны кровавыми надписями «Свиньи». Сержант криминальной полиции, побывавший на месте трагедии, позднее заявил: «За всю свою жизнь я не видел более ужасного зрелища. Меня чуть не вывернуло наизнанку».

Мэнсона и его банду арестовали через несколько месяцев, уже в **1970 году**. Одновременно с ними в том же Лос-Анджелесе сдался полиции серийный маньяк строительный рабочий Мэк Эдвардс, который признался в том, что за 17 (!) лет убил несколько десятков детей (его подозревали в смерти 22 человек). Все свои жертвы маньяк обязательно истязал перед смертью, получая от этого наслаждение.

Конечно, и в СССР случались подобного рода преступления. Однако их счет шел на единицы, а некоторые из них и вовсе были настоящей диковинкой. Например, маньяков-«снайперов» в нашей стране быть не могло, поскольку оборот огнестрельного оружия находился под строгим контролем государства. За все 60-е такого рода преступления было совершено только один раз, в **сентябре 1968 года**, да и то потому, что в качестве преступников выступили два солдата-отморозка. Сбежав из воинской части с оружием, они заперлись в одном из домов в Курске, убили семью из пяти человек, после чего открыли огонь из окна по привокзальной площади, убив еще восемь человек.

Сексуальных маньяков в СССР было немногим больше «снайперов». Был среди них и свой Мэк Эдвардс — учитель Анатолий Сливко, который за 21 год своей преступной деятельности (**1965—1985**) убил 17 детей. Этот нелюдь тоже был извращенцем — он получал удовольствие, снимая агонию своих жертв на кинокамеру. Но

Сливко был чуть ли не единственным подобным маньяком за всю советскую историю, а в тех же США таких были десятки, причем многим из них удалось избежать ответственности. Например, в самом конце 60-х (1968—1969) Америка была в ужасе от серийного убийцы, который взял себе кличку Зодиак. Этот душегуб подстерегал по вечерам влюбленные парочки и хладнокровно расстреливал их из пистолета или резал ножом. Убив таким образом пять человек и двоих тяжело ранив, Зодиак бесследно исчез (установить его личность так и не удалось).

Сошлюсь на мнение все того же Д. Норриса, который так характеризовал ситуацию с этим видом преступления в США: «Серийный убийца — это болезнь американского общества. Инфекция передается от поколения к поколению в форме насилия над детьми, алкоголизма, наркомании, плохого питания. В последние двадцать лет (1960—1980) на долю США, население которых составляет всего 5% от общего числа людей, живущих на Земле, приходилось 75% мировых серийных убийц. Из 160 серийных убийц, задержанных или вычисленных силами правопорядка во всем мире, по меньшей мере 120 были обнаружены в США. **Существуют реальные опасения, что по мере распространения американского культурного влияния на менее развитые страны недуг серийного убийства, если его не пресечь, поразит и их...**» (выделено мной. — *Ф.Р.*).

Из перечисленных Норрисом пороков в СССР однозначно присутствовал один — алкоголизм. Все остальные отсутствовали: массового насилия над детьми не было, наркомании тем более, а питание было вполне сносным, даже калорийным. И еще существовала мораль, которая воспитывала подрастающее поколение в духе любви к своему близкому и обществу, в котором он живет. Однако по мере приобщения советского общества к западным духовным ценностям (особенно интенсивно этот процесс развернется в начале 70-х) началась коррозия советской морали. Отсюда и рост преступлений, особенно насильственных. Д. Норрис оказался абсолютно прав: активная американизация сначала СССР, а потом и России принесла нам вместе с мини-юбками, рок-н-роллом, «Сникерсами», «Макдоналдсами» и массового серийного убийцу американского типа. Впрочем, об этой разновидности душегубов мы еще поговорим, а пока

вернемся в **1970 год**, чтобы познакомиться с одной из разновидностей советского маньяка.

Эта история началась в конце **марта 1970 года** в городе Луганске, что на Украине, — там объявился насильник. В течение нескольких дней поздно вечером он нападал на одиноких женщин, возвращавшихся домой. Действовал преступник по одному и тому же сценарию: заметив жертву на автобусной остановке, он сопровождал ее до малоосвещенного места, где и нападал — душил, угрожал ножом, говорил, что она проиграна в карты и должна либо уплатить пять тысяч рублей, либо вступить с ним в половую связь. У некоторых из жертв он отбирал деньги, ценные вещи.

По показаниям потерпевших, на вид насильнику было около 30—35 лет, он был среднего роста, широкоплеч, лицо продолговатое, смуглое, одет в светлый хлопчатобумажный плащ, белую фуражку и темные брюки. Поскольку показания жертв указывали на то, что все эти изнасилования совершал один и тот же человек, эти дела были объединены в одно, была создана оперативно-следственная группа. В местах возможного появления насильника были выставлены засады, по маршрутам движения городского транспорта направили сотрудников под прикрытием оперативно-поисковых групп. Однако насильник как будто чувствовал, что за ним началась охота, и ни в одну из этих ловушек не попал. В итоге все попытки милиции напасть на след насильника ни к чему не привели.

А преступления тем временем продолжались. Так, в начале апреля насильник совершил еще три нападения, действуя по прежнему сценарию: угрожал жертве ножом, душил, требовал деньги, говорил, что она проиграна в карты. Все три преступления были совершены в одном районе — Жовтневом.

Между тем **14 апреля** город потрясла страшная весть: насильник пролил первую кровь. Это произошло на Парковой улице, где в недостроенной трансформаторной будке был обнаружен труп 17-летней Тамары М., которая возвращалась из вечернего института, но до дома так и не дошла. Все признаки указывали на то, что девушка сначала была изнасилована, а затем задушена руками. Рядом с трупом сыщики нашли несколько важных улик: кусок вафельного полотенца с пятнами буроватого цвета и два отрезка голубой тесьмы, на которых имелись узлы с петлей. Позднее эксперты установят, что полотенце

СОДЕРЖАНИЕ

1970	5
1971	78
1972	141
1973	176
1974	257
1975	335
1976	388
1977	430
1978	504
1979	587